

УДК 811.161.1'1 О.В. Радчук

СУППЛЕТИВИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

О.В. РАДЧУК. СУППЛЕТИВИЗМ ЯК РЕЗУЛЬТАТ РОЗВИТКУ МОВИ ТА ВІДБИТОК МЕНТАЛЬНОСТІ ЇЇ НОСІІВ.

У статті надано опис такого граматичного явища мови, як суплетивізм, який представлено як особливий спосіб репрезентації мовних знаків. На прикладах розглянуто прояв словозмінного та словотвірного суплетивізму, зроблено висновок про зв'язок розбіжності давніх форм мови з ментальністю етносу. Суплетивні форми слів наочно демонструють такі властивості мовного знаку, як довільність і лінійність. На думку автора статті, довільність є відображенням мовної ментальності носіїв мови, а лінійність встановлює рамки, обмеження для прояву першої ознаки в межах конкретної мовної системи.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, мовні знаки, словозмінний та словотвірний суплетивізм, мовна ментальність.

О.В. РАДЧУК. СУППЛЕТИВИЗМ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА И ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ.

В статье описывается такое грамматическое явление языка, как супплетивизм, который представлен как особый способ репрезентации языковых знаков. На примерах рассматривается проявление словоизменительного и словообразовательного супплетивизма, делается заключение о связи расхождения древних форм языка с ментальностью этноса. Супплетивные формы слов наглядно демонстрируют такие свойства языкового знака, как произвольность и линейность. По мнению автора статьи, произвольность является отражением языковой ментальности носителей языка, а линейность устанавливает рамки, ограничения для проявления первого признака в пределах конкретной языковой системы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, языковые знаки, словоизменительный и словообразовательный супплетивизм, языковая ментальность.

O.V. RADCHUK. SUPPLETIVITY AS A RESULT OF LANGUAGE DEVELOPMENT AND REFLECTION OF NATIVE SPEAKERS' MENTALITY.

Since language develops spontaneously and is influenced by a number of extralinguistic factors, it has some abnormalities and deviations reflected in the material form of words. Suppletivity is a non-standard phenomenon of the kind when material repetition of the sign is not observed in the process of changing the word form or derivation.

It is worth mentioning that, according to language historians' observations, in early periods of language development suppletivity is predetermined by the process of forming lexical and grammatical categories of the language, while later suppletivity appears as a result of phonetic changes in the root and semantic processes of attraction of different roots.

In spite of the fact that suppletive forms have often been analysed by several linguists that belonged to different trends and different epochs (from P.A. Lavrovskiy to A.D. Shmelyov), the issue remains in the focus of modern cognitologists.

The article describes the grammatical phenomenon of suppletivity as a specific means of language sign representation. The manifestations of word-changing and word-forming suppletivity are considered by supplying concrete examples, and the conclusion is made about the relationship of the

© О.В. Радчук, 2017

<https://doi.org/10.5281/zenodo.1036262>

divergence of ancient language forms with ethnic mentality. Suppletive forms of words visually demonstrate such language sign attributes as arbitrariness and linearity. The author claims that arbitrariness reflects the native speakers' linguistic mentality while linearity sets the limits for displaying the primary attribute within a certain language system.

Social and psychological reflection of native speakers is manifested in differentiating primary similar forms, semantic analogy and frequency of using them lead to violating symmetry not only on the lexical and semantic level but also in grammar which is an inner lingual factor of language development.

As a grammatical phenomenon, suppletivity is related to language mentality of native speakers of Russian, and the system of suppletive forms is a specific means of linguistic signs representation which map the world around and reflect certain cognitive concepts.

Key words: cognitive linguistics, language signs, word-changing and word-forming suppletivity, language mentality.

Общеизвестно, что язык – это знаковая система, в которой знаком может быть любая языковая единица. В концепции А.А. Потебни языковой знак – это двусторонняя психическая сущность, поскольку он соединяет понятие и акустический образ, под которым понимается психический отпечаток звучания в мозге человека [6]. Все значимые единицы языка – морфема, слово, словосочетание, предложение – имеют сходное строение, а именно: материальный (звуковой) показатель, соответствующее той или другой единице языка значение и определенное отношение к действительности.

Слово как основная языковая единица представляет собой фокус взаимодействия различных языковых факторов – фонетических, семантических, грамматических, словообразовательных. Слово аккумулирует знание коллектива об обозначаемом явлении в виде значения и закрепляет его в системе языка, передавая это знание от человека к человеку, от поколения к поколению. Поскольку язык развивается стихийно, подвержен влиянию многих экстралингвистических факторов, постольку в нем встречаются аномалии и отклонения, отражающиеся в материальной оболочке слов. Супплетивизм как раз и является таким нестандартным явлением, когда наблюдается отсутствие материальной повторяемости знака при изменении формы слова или деривации.

Целью статьи является представление супплетивизма как особого способа репрезентации языковых знаков, рассмотрение на примерах проявления словоизменительного и словообразовательного супплетивизма, заключение о связи расхождения древних форм языка с ментальностью этноса. Данный вопрос остается в поле зрения современных когнитологов, хотя супплетивные формы подвергались неоднократно анализу лингвистами разных школ и разных эпох (от П.А. Лавровского до А.Д. Шмелева), на чьи труды мы ссылаемся в своей работе.

Несмотря на то, что супплетивный способ выражения грамматических значений характерен для всех индоевропейских языков, в русском языке он является непродуктивным и описывается в научных грамматиках чаще как исключение. Тем не менее, данное грамматическое явление имеет место в системе языка и охватывает практически все разряды слов, как именные, так и глагольные. Это проявляется в формальной реализации отдельных грамматических категорий – категорий рода, числа, падежа, степени качества, времени, аспектуальности и других.

Необходимо отметить, что супплетивизм в ранние периоды развития языка, по наблюдениям историков языка, обусловлен процессом становления лексико-грамматических категорий языка, поздний супплетивизм возникает как следствие фонетических изменений корня и семантических процессов аттракции разных корней.

Недостаточная изученность данного вопроса наблюдается в том, что в научных грамматиках и лексикографических справочниках по языкознанию при определении дефиниции 'супплетивизм' приводятся одиночные и повторяющиеся примеры супплетивных форм (*ребенок – дети; человек – люди*). В последнее время появились работы, рассматривающие супплетивизм как диахроническое формоизменение имени существительного или глагола [7]. Однако, как отмечает специалист по сравнительно-историческому языкознанию К.В. Бабаев, термин 'супплетивизм' еще нуждается в уточнении, типология супплетивизмов вообще не создана, не подвергалось исследованию расхождение основ в лексико-словообразовательных парадигмах. Лингвист считает, что явление супплетивизма требует разработки и развития в теоретическом

плане и предлагает несколько критериев для классификации супплетивных форм: гетерогенность и гомогенность форм; автономность морфем, а также предлагает выделить в отдельный тип деривационный супплетивизм. По мнению К.В. Бабаева, «разделение супплетивизма на словоизменительный и словообразовательный также может служить одним из основных классификационных признаков типологии, так как оба явления имеют единую природу» [1, с. 13]. Деривационный супплетивизм является проявлением нарушения симметрии в языковой системе и особым способом образования новых слов, отражающим когнитивные способности человека.

А.Е. Кибрик, обосновывая когнитивный подход к языку, писал, что «в основе современного когнитивного подхода к языку лежит идея целенаправленной реконструкции когнитивных структур по данным внешней языковой формы. Реконструкция опирается на постулат об исходной когнитивной мотивированности языковой формы: в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она «отражает» стоящую за ней когнитивную структуру» [3, с. 32].

Языковая форма может быть мотивирована как чисто лингвистическими факторами (например, фонетическими особенностями языка), так и внешними по отношению к языковой системе (например, частотностью использования, узуальным и окказиональным употреблением).

Отсутствие предсказуемости и регулярности в закреплении семантики за формой дают наблюдательные данные в русском, украинском и белорусском языках:

Таблица 1

Проявление супплетивизма в восточнославянских языках

Восточнославянские языки	I русский	II украинский	III белорусский
Словоизменительный супплетивизм	<i>цель – цели</i>	<i>мета – цілі</i>	<i>мэта – мэты</i>
Словообразовательный супплетивизм	<i>год – столетие</i>	<i>рік – сторіччя</i> <i>рік – століття</i>	<i>год – стогоддзя</i>

Языковой материал, представленный в таблице, наглядно показывает, что словоизменительный супплетивизм может проявляться только в одном из родственных языков, хотя гетерогенные корни (*-цел-* и *-мет-*) имеют место в каждом языке. Например, в русском языке существует шаблонная фраза *идти к намеченной цели, хорошо прицелиться* на белорусском языке звучит, как *добра прыцэліцца*. Последние примеры относятся к деривационному типу супплетивизма. Лексемы трех языков, указанные в таблице, также демонстрируют неоднородность корней, участвующих в процессе деривации в близкородственных языках.

Супплетивизм как формальное отсутствие повторяемости морфем при словоизменении ярче всего проявляется в классе имен существительных. Как нам представляется, это не является случайным, поскольку человек, познавая окружающий себя мир, всегда хотел представить его в виде конкретных реалий.

Остановимся более подробно на примере, иллюстрирующем словоизменительный субстантивный супплетивизм. В паре *ребёнок – дети* формы класса *singularia tantum* и *pluralia tantum* взяты из разных словообразовательных гнезд. Исторически закономерными были соотношения *ребёнок – ребята, дитя – дети*, наряду с ними существовало древнерусское слово *чадо* «ребенок, потомок, последователь».

Синонимический ряд *ребёнок – дитя – чадо* появился у славян в древние времена и восходит к санскриту. Это подтверждают наблюдения П.А. Лавровского, воссоздавшего древние формы и семантику указанных синонимов. Ученый пришел к заключению о том, что 1) «Если в названии дети язык славянский сохранил одну из идей, приданных названию родителей, именно питание, то менее употребительный в народе славянском термин чадо удержал другую идею, рождение, особенно распространенную в германском языке» [5, с. 22] и 2) «Идея малости, приданная выражению *arbha* в диалекте Вед, столь естественная для понятия ребенок, весьма легко и вполне согласно со взглядом патриархально-народным, способна объяснить и

переход значения к рабу, так как с понятием малости у народов древних не отделилось и понятие слабости, бедности, ничтожности» [5, с. 23-24].

С развитием лексико-семантической подсистемы языка происходят сдвиги в семантике слов *ребята* и *дитя*. Если номинативной единицей *ребёнок* может быть назван человек в возрасте от рождения до четырнадцати-пятнадцати лет, то форма множественного числа *ребята* не используется для наименований младенцев, а обращение *ребята* сегодня допустимо для лиц не только юного, но и зрелого возраста. Слово *дитя*, как правило, употребляется для наименований лиц до семилетнего возраста, а словом *дети* могут быть названы даже люди преклонного возраста. Например, в современном языке существует устойчивое выражение, определяющее социальную группу людей, которые родились в предвоенное время и пережили вторую мировую войну, – *дети войны*. Актуализация значения метафоры *дети войны* проявляется в контексте последних событий на Украине. Выражение *дети войны* находит ассоциативное соотношение с понятиями ‘беженцы’, ‘потерпевшие’, ‘потерявшие родителей’, ‘сироты’. Частотность употребления слова *дети* в устойчивых конструкциях подтверждает то, что оно является универсальным, более приспособленным к расширению значения, чем слово *ребята*. Необходимо отметить, что понятие ‘дети’ имеет множество номинаций в диалектах, сохраняется и форма *ребяты*, но ни одна из них не вытеснила доминантный субстантив *дети*. Приведенные факты свидетельствуют о том, что в языковой, как и в биологической, системе срабатывает принцип естественного отбора: из двух пар остаются наиболее употребляемые формы *ребёнок* – *дети*.

Замечание А.Д. Шмелева по вопросу соотношения элементов анализируемой оппозиционной пары подтверждает наши предположения: «Дело в том, что слово *дитя* относится к среднему роду, тогда как *дети* – существительное мужского рода, как и слово *ребенок*. Поэтому мы должны признать *дитя* словом класса *singularia tantum* – одним из редких случаев существительного, семантика которого не исключает множественности, но которое, тем не менее, не имеет множественного числа. Соответственно, формы *дети, детей, детям* и т.д. можно считать супплетивным множественным числом слова *ребенок*» [8, с. 583]. Воспринимая конкретные объекты, человек привлекал различные номинации, которые в процессе эволюции человека и языка закреплялись и передавались из поколения в поколение, подвергаясь определенным изменениям.

Наряду со словоизменительным супплетивизмом в русском языке используется и квази-супплетивизм как особый вид деривации. Рассмотрим на примере, как представлен словообразовательный супплетивизм в системе имен существительных русского языка.

У одушевленных имен существительных одним из способов выражения семантического рода являются супплетивные формы, противопоставленные на основе гендерного признака: *мужчина* – *женщина*, *муж* – *жена*, *отец* – *мать*, *сын* – *дочь*, *мальчик* – *девочка*, *брат* – *сестра*, *юноша* – *девушка*, *женех* – *невеста*, *дед* – *баба*. Указанные номинации родства появились в языке в доисторическую эпоху и отразили особенности семейного быта, в котором каждому члену семьи отводилась определенная роль. П.А. Лавровский в работе «Коренное значение в названиях родства у славян» описал происхождение субстантивов, обозначающих родство, которое разделял на два вида: кровное и образуемое посредством брака. Ученый проследил появление и развитие семантики слов, образованных от разных корней, и однокоренных пар (например, *супруг* – *супруга*, *внук* – *внучка*, *свекор* – *свекровь*, *тесть* – *теща* и других), провел аналогии с санскритскими номинациями, сопоставил со многими славянскими и индоевропейскими языками.

Языковед указывал на то, что важное значение браку придало христианство и это повлияло на изменение значения слов, называющих членов семьи. Исследователь отмечал, что «таким образом, слово *жена*, от общего понятия, заключенного в его корне, существа рождающего, перешло к более тесному – замужней женщины, и стеснилось еще более в период христианства, начавши обозначать жену в единоженстве, одну законную жену» [5, с. 9].

Уже в языческие времена славяне создавали семьи с целью продолжения рода. Ученый писал, что «понятия рождения и питания, заключенные в названиях отца и матери, сами собою предполагают новые существа, рожденные и вскормленные. Только при существовании последних могли явиться в жизни данные понятия, а следовательно выразиться и в языке: муж и жена могли стать отцом и матерью лишь тогда, когда родились у них дети» [5, с. 19].

Интересным представляется замечание П.А. Лавровского о том, что «идея рождения, отнесенная по преимуществу к названию мать, сделалась общею идеею и для обоих родителей, в терминологии всех языков арийских. Как славянское слово родитель, очевидно происходит от род, родить, и одинаково может быть отнесено и к отцу и матери (родительница), так скр.ganitar (отец) ... латин. genitrix происходят от общего корня gan, рождать» [5, с. 19].

Когда у славян была нарушена патриархально родовая замкнутость, ослабели узы родства и круг связанных родством людей ограничился, оказались лишними и были утрачены многие номинации родства, поскольку потеряли свою практическую силу (например, *стрый* «дядя по отцу»). Словарь названий родства сохранился в диалектной речи и просторечии. Как отмечает П.А. Лавровский, «обильная масса слов с поразительно заботливым определением отдельных членов самых отдаленных степеней родства служит лучшим доказательством бытовой важности родственных связей у Славян» [5, с. 2]. Расширение семьи до рода, по словам ученого, послужило образцом первоначального общественного устройства всего славянского народа и «взгляд на родственные названия способен вести к заключениям и о доисторической жизни и не только одних Славян, но всего племени арийского» [5, с. 98].

Социально-психологическая рефлексия носителей языка проявляется в дифференциации первоначальных сходных форм, семантическая аналогия и частотность использования которых приводят к нарушению симметрии не только на лексико-семантическом уровне, но и в грамматике, что является внутренним лингвальным фактором развития языка.

О несимметричности языковой системы в семиотическом аспекте говорят и современные исследователи когнитивисты, поскольку изучение языкового знака «теснейшим образом связано со знанием, познанием, когницией, и в этом смысле оно всегда являлось когнитивным» [4, с.8]. Л.М. Лещева указывает на то, что «в центре внимания всех когнитологов, изучающих архитектуру и функционирование сознания, оказался естественный язык человека, поскольку все когнитивные процессы (восприятие информации, категоризация и концептуализация, запоминание, догадка и др.) наиболее ярко проявляют себя именно в наблюдаемой речи, в языковой системе» [4, с.8].

Люди издавна облекали свои мысли в структуры, которые образовывали единство грамматики и лексики. По выражению Ю.Н. Караулова, такие структуры представляют собой «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [2, с. 87]. Несмотря на то, что созданная человеком наивная языковая картина мира была симметричной, изначально формировалось отсутствие повторяемости элементарных знаков в деривационных парадигмах, что в итоге привело к нарушению симметрии в языковой системе.

Словообразовательный супплетивизм охватывает гетерогенные формы разных частей речи и выявляет лингвокультурные истоки появления таких форм. Деривационный супплетивизм развивался как под воздействием собственно лингвальных, так и экстралингвистических факторов, влияющих на создание языковой картины мира.

Как грамматическое явление супплетивизм связан с языковой ментальностью носителей русского языка, а система супплетивных форм является особым способом репрезентации языковых знаков, закрепляющих когнитивное представление о действительности, об окружающем мире носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабаев К.В. Об определении и типологии супплетивизма. ХLI Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 26–31 марта 2012 г.: Избранные труды / Отв. ред. А.С. Асиновский, С.И. Богданов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 10-16.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Кибрик А.Е. Когнитивный подход к языку. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29-59.
4. Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М. Языки славянской культуры; Знак, 2014. 256 с.
5. Лавровский П.А. Коренное значение въ названиях родства у славянь. Санктпетербургъ, 1867. 120 с.
6. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993. 192 с.

7. Чумакина М. Э., Hippisley A., Corbett G. Исторические изменения в русской лексике: случай чередующегося супплетивизма. 2004. Рукопис

8. Шмелев А.Д. Супплетивизм или синонимия? Международная филологическая конференция «Языкознание subspecies русистики: взаимодействие языковых элементов», Москва, 24–26 октября 2012 г.: Избранные труды, 2013. С. 573-586.

(Статья поступила в редакцию 14 августа 2017 г.)